

И. Б. Михайлова

С юбилеем, «Иван Васильевич»!

Пьеса М. А. Булгакова —

литературный источник

фильма Л. И. Гайдая

Фильм Л. И. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» поставлен по мотивам пьесы М. А. Булгакова «Иван Васильевич», написанной в результате переработки более раннего произведения драматурга — псевдоутопии «Блаженство». Смысл экранизации, ее особенности невозможно понять без анализа первоисточника и посвященных ему исследований. Этим обусловлен наш интерес к фантастической дилогии 30-х гг. XX в. о невероятных приключениях управдома, инженера и вора-домушника.

Комедия о «светлом будущем» была задумана М. А. Булгаковым в 1929 г., но завершена только весной 1934 г.¹ Окончательная, третья редакция пьесы «Блаженство», прочитанной автором 25 апреля труппе Театра сатиры, ее не устроила. Е. С. Булгакова отметила в дневнике: «Чтение прошло вяло. Просят переделок. Картины “в будущем” никому не понравились... Им грезится какая-то смешная пьеса с Иваном Грозным, с усечением будущего. Они считают, что это уже есть, как зерно, в пьесе, в первом появлении Ивана Грозного»².

Острый интерес театральных деятелей к Ивану Грозному был обусловлен возросшим вниманием к первому русскому царю идеологов сталинского времени. Начало 30-х гг. XX в. — это также переломный период в советской исторической науке. Тогда одновременно с утверждением марксизма-ленинизма как методологической основы советской исторической науки вместо разработки социологических схем общественного развития началось исследование конкретных проблем отечественной средневековой истории. Одной из них, важнейшей для историков Русского Средневековья, была проблема становления «централизован-

Михайлова Ирина

Борисовна,

доктор исторических

наук, профессор,

Санкт-Петербургский

государственный

университет

(Санкт-Петербург,

Россия)

ного национального», с середины XVI в. «многонационального государства». Сопоставляя процессы создания Московской державы в борьбе с татаро-монголами, ливонскими рыцарями, литовцами, поляками, шведами и консолидации советских социалистических республик во враждебном окружении империалистических стран, И. В. Сталин и его советники находили их схожими³. При этом «вождь» СССР отождествлял себя с главой «централизованного» Московского государства — Иваном IV. Таким образом, культы Ивана Грозного и И. В. Сталина формировались одновременно и были взаимосвязаны.

Этим объясняется желание труппы Театра сатиры поставить пьесу о кровавом самодержце, переместившемся в сталинскую Москву⁴. В первой пьесе дилогии он показан однозначно — как трясущийся от страха за содеянное тиран. За несколько минут пребывания на сцене царь успевает признаться: «Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Мне, скверному душегубу, ох!.. Кровь на мне!»⁵ Поэтому руководство театра, вероятно, не ограничилось требованием убрать из пьесы все, происходящее в будущем, но настаивало на изменении образа Ивана Грозного.

Под его жестким напором М. А. Булгаков сдался: 30 ноября 1934 г. он уже диктовал жене «наброски для варианта “Ивана Васильевича” (измененное “Блаженство”)⁶. Новое произведение было закончено 7 октября 1935 г.⁷ Цензоры Главреперткома «интуитивно чувствовали имевшиеся в пьесе скрытые политические “подвохи”⁸, поэтому «все искали, нет ли в ней чего подозрительного», «вредную идею», даже произнесли «замечательную фразу»: «А нельзя ли, чтобы Иван Грозный сказал, что теперь лучше, чем тогда?» Наконец, 29 октября «“Ивана Васильевича” разрешили с небольшими поправками». 1 ноября М. А. Булгаков с «громдным успехом» читал пьесу в Театре сатиры, 18 ноября состоялась первая репетиция ее постановки⁹. Спектакль готовили к показу весь зимний сезон 1935–1936 гг.

Но 9 марта 1936 г., после разгромной статьи в «Правде» и снятия с репертуара пьесы М. А. Булгакова «Мольер», драматург понял: «Конец “Мольеру”, конец “Ивану Васильевичу”». Однако и автор, и руководство театра еще пытались спасти спектакль. 5 апреля жена драматурга Е. С. Булгакова сделала запись: «М. А. диктует исправления к “Ивану Васильевичу”. Несколько дней назад Театр сатиры пригласил (писателя. — И. М.) для переговоров. Они хотят выпускать пьесу, но боятся неизвестно чего. Просили о поправках. Горчаков (Н. М. Горчаков, художественный руководитель Театра сатиры, режиссер. — И. М.) придумал бог знает что: ввести в комедию пионерку, положительную. М. А. наотрез отказался. Идти по этой дешевой линии!»¹⁰ 11 мая состоялась одна из последних репетиций спектакля. Е. С. Булгакова с горечью заметила: «По безвкусию и безобразию это редкостная постановка. Горчаков почему-то испугался, что роль Милославского (блестящий вор — как его задумал М. А.) слишком обаятельна и велел Полю сделать грим какого-то порошенка рыжего, с дефективными ушами... Да, слабый, слабый режиссер Горчаков. И к тому же трус»¹¹. Через два дня, 13 мая, состоялась генеральная, без публики, репетиция.

На ней присутствовали члены Московского комитета и ЦК ВКП(б). На зрителей постановка произвела «безотрадное» впечатление. «Немедленно после спектакля пьеса была запрещена»¹².

Однако поклонники таланта М. А. Булгакова не теряли надежды увидеть если не спектакль, то хотя бы издание рукописи «Ивана Васильевича», и прилагали усилия к тому, чтобы ее напечатать. Об этом свидетельствует доброжелательный отзыв о ней известного в довоенное время критика Ю. Юзовского, написанный через три месяца после смерти драматурга, 7 июня 1940 г.¹³ Стараясь скрыть злободневно-сатирический смысл произведения, Ю. Юзовский писал: «Особняком стоит пьеса “Иван Васильевич”. Очень веселая, остроумная шутка драматурга... настолько незаурядная, полная веселья и нестесняющей себя фантазии, что читается с искренним удовольствием». Рецензент заверял цензоров, что напечатанная пьеса «будет прочтена каждым с удовольствием»¹⁴. Его усилия не увенчались успехом. Почти тридцать лет эта пьеса была под запретом. Первая публикация «Ивана Васильевича» была осуществлена только в 1965 г.¹⁵ Она сразу же привлекла внимание режиссеров, актеров, филологов, искусствоведов. «Ивана Васильевича» «ставили: Театр киноактера в Москве (1967), Омский драматический театр (1967), Бакинский театр русской драмы им. Самеда Вургуня (1968) и др. В 1973 году “Мосфильм” выпустил в прокат киноленту Л. Гайдая по мотивам комедии Булгакова»¹⁶. В том же году пьеса была переведена и издана в Испании¹⁷, в 1978 г. показана югославскими актерами в городе Триест¹⁸.

Высказывания ученых об этой пьесе немногочисленны, но разнообразны. В. А. Каверин, написавший предисловие к сборнику произведений М. А. Булгакова, в котором впервые был напечатан «Иван Васильевич», отметил несколько особенностей этой комедии. Во-первых, драматург «смеялся над беспредельной привязанностью ничтожных людей к столь же ничтожному быту». Во-вторых, созданная Иваном Грозным машина государственного управления была такова, что работала даже тогда, когда у кормила власти оказались «поразительно глупый» Бунша и «умный вор» Милославский. В-третьих, в Московском царстве со столь отлаженным механизмом власти процветали беззаконие, жестокость, произвол: здесь немца-толмача в кипятке сварили, а князя Милославского повесили на воротах собственного дома. «Забавный контраст между двумя эпохами, основанный на остром столкновении полублатного-полуканцелярского языка с велеречием старой Руси, начинает выглядеть не таким уж забавным», когда «в легкой комедии, почти в буффонаде, проступает намеченный пунктиром второй план и становится ясной мысль, что для разумного управления страной мало умения отдавать приказы», — писал В. А. Каверин¹⁹.

Иначе считал В. А. Сахновский-Панкеев. По его мнению, «Иван Васильевич» «не является исторической пьесой. Грозный дан Булгаковым в... чисто театральном плане... Иван Васильевич (недаром он поименован так... “по-домашнему”) занят в пьесе одним — улаживанием семейных и квартирных неурядиц изобретателя Тимофеева. На этой почве и возник-

кают смешные недоразумения, создаются комедийные ситуации»²⁰. Острой сатиры, хитроумно замаскированной М. А. Булгаковым, литературовед в этой пьесе не заметил.

В отличие от В. А. Сахновского-Панкеева, автор первой диссертации о драматургии М. А. Булгакова Т. А. Ермакова обнаружила в пьесе «Иван Васильевич» не только юмор, но также иронию и сатиру. По ее мнению, главное в комедии — это противостояние «тупому, злому и хищному мещанству» «творческой личности в лице изобретателя Тимофеева», которого не интересует «материальная сторона быта»: он мечтает «о машине необычайной государственной важности», «верит, что ее изобретение принесет стране неслыханную пользу». Этого бескорыстного энтузиаста, образ которого, несмотря на его первостепенное значение в пьесе, все же «схематичен, бледен», окружает сонм отвратительных, ярко выписанных чудовищ. Среди них: «демагог, подхалим и трус» — управдом Бунша-Корецкий, «его супруга — прожженная сплетница и интриганка Ульяна Андреевна»; «заурядная киноактриса, стремящаяся урвать в жизни кусок пожирней» — Зина, «стяжатель, скопидом и вероломный предатель» Шпак, «бездарный и “любоэстрастный”» кинорежиссер Якин, «вор по призванию» Жорж Милославский. «Чтобы рельефнее выявить зло, автор прибегает к условности, используя прием сна», который позволяет «сгустить некоторые факты современности... более резко критиковать мещанство, тупость, пошлость», — считает филолог²¹.

Следующие работы об этой пьесе были написаны спустя почти двадцать лет после защиты диссертации Т. А. Ермаковой. В конце 80-х гг. XX в. к ее исследованию обратилась Ю. В. Бабичева. По мнению последней, это «одна из самых оригинальных историко-политических комедий в истории русской драматургии». Ее необходимо рассматривать вместе с «футурологической комедией-антиутопией “Блаженство”». Диалогия «в своем единстве — противостоянии воплотила идею связи прошлого с настоящим и будущим»²². Согласно Ю. В. Бабичевой, композиционным стержнем этих произведений является мысль о преемственности трех деспотических форм правления: Ивана Грозного в прошлом — самодура-управдома Бунши-Корецкого в настоящем — «усовершенствованного цивилизацией, непреклонного и изысканного диктатора» Саввича в будущем²³.

Главный персонаж «Ивана Васильевича» — «суетливый и ничтожный, почти патологически глупый» «“кошмар в пиджаке и полосатых подштанниках”, призрак коммунальной нэпмановской Москвы». Бунша-Корецкий — типичный приспособленец к новым социальным условиям жизни, который запасся справкой о том, что его мама-княгиня согрешила с кучером, обеспечив сыну пролетарское происхождение, необходимое для административной работы в советской стране²⁴. «Род его деятельности, — пишет Ю. В. Бабичева, — похож на хлопоты безумца: “Когда вы говорите, Иван Васильевич, впечатление такое, что вы бредите”, — очень искренне говорит ему герой-изобретатель во второй части диалогии. Как всякое безумие, его административный восторг не безобиден. Он согладатай и доносчик». Озабоченный тем, чтобы «начисто обезличить вверенных его попечению жильцов многих

коммунальных квартир», управдом «преисполнен сознания своей неоспоримой необходимости новому режиму, культуре, быту:

“...если я перестану ходить, то произойдет ужас.

Тимофеев. Государство рухнет?

Бунша. Рухнет”.

“Я — передовой человек”, — уверенно утверждает себя Бунша. А читатель, в свою очередь, утверждает в мысли: это человек, захвативший в новой жизни прочные позиции»²⁵. По мнению исследователя, управдом Бунша-Корецкий — это «воплощение ... бессудной и неразумной власти, сильно измельчавшей и опошленной новыми жизненными обстоятельствами..., но не утратившей потенциала самовластия»²⁶. Именно поэтому в XVI в. он «расцвел и развернулся»: прежде всего лжецарь решительно отрекся от папы-кучера и своего пролетарского происхождения («Это была хитрость с моей стороны», — признался он), по-господски стал «покрикивать: “Чего? Попрошу вас! С кем говоришь?”; “Что? Молчать!” и т.д.». Бунша даже «готов приступить к управлению государством, начав с учреждения жактов. “Да ты, я вижу, хват! Вот так тихоня!” — восхищается им Милославский»²⁷.

Считая управдома главной фигурой пьесы «Иван Васильевич», Ю. В. Бабичева не склонна приуменьшать значение другого персонажа — его тезки-самодержца. В отличие от В. А. Сахновского-Панкеева, она заметила, что «тема Грозного очень тщательно разрабатывалась» М. А. Булгаковым еще в период создания «Блаженства»²⁸. В процессе работы над «Иваном Васильевичем» «тема неограниченного деспотизма» усиливается, приобретает звучание более значительное и определенное, вводится «в основное сюжетное русло через ряд ассоциаций, ссылками на другие ... произведения русского искусства на эту тему». Так, образом-эпиграфом к пьесе служит музыка из оперы «Псковитянка», основной темой которой является борьба свободолюбивой «вольницы» с деспотической властью опричного властелина. Разумеется, инженер Тимофеев — не Михайло Туча, он боязлив и робок. Но тем не менее музыке, звучащей из рупора, «отозвался ... затравленный голос изобретателя: “Мне надоел Иоанн с колоколами!”» Обобраз Шпака, вор Милославский читает многозначительные стихи из баллады А. К. Толстого «Князь Михайло Репнин»²⁹. «Ее трагический мотив столкновения индивидуальности с обезличивающим деспотизмом, гибели независимой личности, отказавшейся надеть личину и ценою жизни сохранившей лицо, вплетается содержательным компонентом в действие не только этой комедии, но и дилогии в целом, составляя ее второй план или “подводное течение”. В водевильной сюжетной путанице вызревает серьезный мотив-предупреждение, а личность Ивана становится фигурой символической, олицетворением властного и губительного деспотизма единовластия, под разными личинами являющего свой бессмертный лик в разные времена», — пишет Ю. В. Бабичева³⁰.

Правда, в коммунальной квартире 30-х гг., в «атмосфере бытовых забот и дрызг Грозный заметно измельчал» и стал так же нелеп и смешон, как управдом, временно исполнявший обязанности самодержца³¹. Несмотря на то, что Иван Васильевич меняет обличья: он — «то царь, то управдом, то режиссер, которому не возражают», — этот властитель внушает подданным/подчиненным людям такой страх, который лишает их индивидуальности и способности сопротивляться диктатуре тирана³². «Эта мысль ... крепко привязывает “Ивана Васильевича” и всю фантастическую дилогию об “управдоме” к определившемуся уже в эти годы содержанию главного романа (М. А. Булгакова. — И. М.) — к “Мастеру и Маргарите”», — считает исследователь³³. «Во всех ипостасях (изображенный в пьесе властелин. — И. М.)... вызывал в сознании (современников драматурга. — И. М.) более близкий по времени образ... всесильного генсека И. Сталина», — пишет Ю. В. Бабичева³⁴.

Литературовед также обнаружила в дилогии М. А. Булгакова предупреждение об опасности «коммунального деспотизма» и стремления удовлетворить материальные запросы человека и общества в ущерб их духовному развитию. По мнению Ю. В. Бабичевой, истоки этого разлагающего социум процесса показаны М. А. Булгаковым в «Иване Васильевиче». Так, «изобретатель в своей фанатичной сосредоточенности на решении технической задачи грозит превратиться со временем в народного Комиссара изобретений Радаманова; управдом Бунша с его тупой приверженностью идее обезличенного, коллективного порядка (гениальный опыт инженера для него — “антисоветский опыт”) — вырождается в Саввича, директора Института гармонии, диктатора»³⁵. Последнее произойдет потому, что «маленький “тиран-индивид” может стать “тираном-сверхчеловеком”, стоит создать ему для этого условия» как в прошлом (управдом-лжецарь), так и в будущем (он же чиновник по усовершенствованию «рода человеческого»)»³⁶.

В. В. Петелин подробно рассмотрел вопрос о создании драматургом дилогии «Блаженство» — «Иван Васильевич»³⁷ и сделал вывод о том, что во второй пьесе преобладает «сатира на прошлое»³⁸.

Согласно Я. С. Лурье, первая редакция «Ивана Васильевича», сохранившаяся «в полу-черновом автографе и в двух машинописных текстах», свидетельствует об остроте, язвительности, злободневности комедии М. А. Булгакова. Откровенность драматурга замаскирована во второй редакции пьесы, сделанной по настоянию руководства Театра сатиры. Например, «первоначально встреча героев разных эпох мотивировалась (как у Уэллса) действием машины времени, а затем... все происшествие было изображено как сон инженера Тимофеева». В черновой редакции приключения персонажей начинались под «утреннюю лекцию свиновода», а инженер Тимофеев горестно восклицал: «Но разве можно, с такими свиньями, чтобы вышло что-нибудь путное?» В окончательном варианте пьесы по радио звучит музыка «Псковитянки»³⁹.

По мнению исследователя, драматург придавал большое значение действию, происходившему в опричной Москве. «Изображение эпохи Грозного в “Иване Васильевиче” было однозначным и весьма выразительным. Показанный в пьесе опричный террор, не только страшный, но и чудовищно абсурдный, мог вызвать весьма неприятные ассоциации», — писал Я. С. Лурье⁴⁰. Вместе с тем, «Булгаков вовсе не склонен был преувеличивать значение его центральной фигуры. Скорее наоборот. Царь — “вылитый управдом”, управдом, имеющий то же имя и отчество и временно занимающий царский трон». Здесь «роль личности в истории» показана «не более значительной, чем в “Белой гвардии”» — романе о грандиозных событиях, лавиной обрушившихся на героев и вовлекших их в смертельно опасный круговорот гражданской войны. Не творец, а жертва непреодолимого исторического процесса, Иван Грозный, в изображении М. А. Булгакова, неоднозначен. Он страшен и «нервозен», а «по временам и милостив» к отдельным действующим лицам: царь прощает «боярыню» Зинаиду, бросившую мужа, «жалует режиссеру “вотчину в Костроме”, предлагает обворованному соседу изобретателя “гривну”»⁴¹.

По мнению В. И. Сахарова, «в комедии Булгакова изображения Грозного, его двора и опричников более реалистичны и историчны, чем иконописные образы Толстого (А. Н. Толстого. — И. М.) — Эйзенштейна. Столкновение очень серьезного, простодушного и жестокого прошлого с сатирой на настоящее в духе “Зойкиной квартиры” дало замечательный эффект подлинно сценического юмора, породило эксцентрическую комедию характеров и положений»⁴². Пьесу «Иван Васильевич» «отличают ... глубина и меткость сатиры, мастерское сцепление комических ситуаций»⁴³.

Наиболее полное исследование вопроса об условиях и обстоятельствах написания диалогии, замыслах М. А. Булгакова и их реализации принадлежит В. И. Лосеву⁴⁴. Сравнение текстов всех известных в настоящее время редакций обеих пьес и набросков к ним позволили исследователю сделать интересные наблюдения. Филолог считает, что «в пьесе “Иван Васильевич” доминирует тема современности. Прошлое лишь помогает лучше рассмотреть настоящее»⁴⁵.

Вслед за Я. С. Лурье В. И. Лосев обратил внимание на замену лекции свиновода («Многие считают свинью грубой, глупой и неопрятной. Ах, как это несправедливо, товарищи!.. Относитесь к свинье хорошо, и вы получите возможность ее дрессировать») музыкой «Псковитянки» в начале первого действия, но не прокомментировал ее⁴⁶. Анализируя первый акт «Ивана Васильевича», литературовед сравнил его с текстом «первой черновой редакции “Блаженства”», наиболее интересной, по мнению исследователя. Здесь предшественница Зины Мария Павловна упрекает мужа-изобретателя Евгения: «Запишись в партию, халтурщик!.. Кругом создавалась жизнь. И я думала, что ты войдешь в нее.

Евгений. Вот эта жизнь?

Мария Павловна. Ах, не издевайся. Ты — мелкий человек.

Евгений. ...Кто, собственно, мешает тебе вступить в эту живую жизнь? Вступи в партию. Ходи с портфелем. Поезжай на Беломорско-Балтийский канал. И прочее...

Мария Павловна. А я жалею, что ты не арестован. Если бы тебя послали на Север и не кормили бы, ты быстро переродился бы.

Евгений. А ты пойди, донеси. Дура!

Мария Павловна. Нищий духом! Наглец!» Незаметно пробравшийся в квартиру Милославский недовольно замечает: «Все люди, как люди, на службе. А эти трепачи дома сидят»⁴⁷.

Заслуживает внимания наблюдение В. И. Лосева о политическом подтексте диалога инженера Тимофеева и Бунши-Корецкого в том же акте. В редакции, представленной в Главрепертком, есть такие слова:

«Тимофеев... Удивляюсь я вам, Иван Васильевич! В ваши годы вам бы дома сидеть, внуков нянчить, а вы целый день бродите по дому с засаленной книгой...

Бунша... У меня нет внуков. А если бы они и были, то я отдал бы их в пионеры, а не дома бы нянчил. И если я перестану ходить, то произойдет ужас.

Тимофеев. Государство рухнет?

Бунша. Рухнет, если за квартиру не будут платить... Я по двору прохожу и содрогаюсь. Все окна раскрыты, все на подоконниках лежат и рассказывают про советскую жизнь такие вещи, которые рассказывать неудобно»⁴⁸. В. И. Лосев заметил, что в окончательной, третьей редакции пьесы нет внуков-пионеров, «в первой черновой редакции “Блаженства”» вопрос изобретателя звучал «более остро: “Советская власть рухнет?”», в первоначальном варианте «Ивана Васильевича» имелась фраза «...рассказывают про советскую власть такие вещи, какие рассказывать запрещено». В отлакированном произведении она изменилась: «...И рассказывают такую ерунду, которую рассказывать неудобно»⁴⁹.

В следующем за тем диалоге Тимофеев называет Буншу князем, а управдом доказывает, что его отцом был кучер. По этому поводу В. И. Лосев заметил: «Манипуляции с “происхождением” и “классовой принадлежностью” всегда вызывали у Булгакова чувство брезгливости. Поэтому он многократно обыгрывает эту ситуацию с незадачливым, глупым, но зловредным Буншей»⁵⁰.

В редакции, представленной в Главрепертком, управдом восхищался «полезной» лекцией «про венерические болезни», организованной советской властью для административных работников. Эта реплика, характеризующая и тупость Бунши, и состояние здоровья тех, кто в условиях политизации семейной сферы жизни скептически относился к традиционному длительному моногамному браку и признавал провозглашенную революционными лидерами свободу половых отношений⁵¹, была изменена в период постановки пьесы в Театре сатиры. М. А. Булгаков убрал из нее словосочетание «про венерические болезни», указывающее на содержание неуместной в домоуправлении лекции⁵².

В черновой редакции «Блаженства» содержался развернутый эпизод, в котором Бунша требовал «зарегистрировать» машину времени у «начальства». До управдома дошли слухи о том, что инженер строит необычный аэроплан, на котором «можно из-под советской власти улететь». Рассерженный этими подозрениями, изобретатель кричал, выдавая свои сокровенные мысли: «Вообразите, верно!.. И поверьте мне, что, если только мне удастся добиться этой чертовой тайны, я действительно улечу». В ответ перепуганный Бунша заявлял: «Я вынужден сейчас же по долгу службы эти слова записать и о них заявить в отделение. И я погибну из-за вас, и весь дом». Неустрашимый изобретатель провожал его фразой: «Это вы, старый зуда, шляетесь по всем квартирам, подсматриваете и пишете потом доносы!» В. И. Лосев считает, что в беловом варианте «Ивана Васильевича» этот политический диалог потерял значительную долю остроты⁵³. Здесь Бунша сообщает Тимофееву об опасных слухах: «Ее (машину времени. — *И. М.*) зарегистрировать надо, а то во флигеле дамы уже говорят, что вы такой аппарат строите, чтобы на нем из-под советской власти улететь. А это, знаете... и вы погибнете, и я с вами за компанию». Возмущенный этим, незаслуженно обвиненный Тимофеев восклицает: «Какая же сволочь эту ерунду говорила?.. Вы, старый зуда, слоняетесь по всему дому, подглядываете, ябедничаете, и, главное, врите!» В ответ Бунша сообщает, что направляется в милицию, потому что он — «лицо, занимающее ответственный пост управдома, и обязан наблюдать». Тимофеев сразу понимает, чем грозит ему донос управдома и в ужасе заискивает перед ним: «Стойте, черт вас возьми!.. То есть, ради Бога, повремените... Извините меня, я погорячился... Поймите, это не взорвется, не вредно и... вообще никого не касается!»⁵⁴ В окончательном варианте комедии, предназначенной к показу перед зрителями-атеистами, черт и Бог не упоминаются⁵⁵.

В отличие от В. И. Лосева, считаем, что в «Иване Васильевиче» этот диалог более выразителен, чем в «Блаженстве». Если в ранней пьесе диалог изобретателя — тайного деятельного противника советской власти, уличенного в преступных, с точки зрения новых правителей, замыслах, то в «Иване Васильевиче» это аполитичный, увлеченный фантастическим проектом мечтатель, подверженный страшному давлению тупой, бездушной, агрессивной силы, насмерть перепуганный человек, не способный не только противостоять управдому, но и сохранить собственную семью⁵⁶.

Оставшийся возле машины времени Бунша стал свидетелем опыта инженера, в результате которого «полквартиры исчезло» вместе со стеной, разделявшей соседние комнаты, и на сцене появился обворовавший Шпака Жорж Милославский. Бдительный управдом заметил на нем краденый костюм, но вор не растерялся. В ранней редакции «Ивана Васильевича» он парировал упрек Бунши вопросом: «А разве у Шпака у одного костюм в Москве?»⁵⁷ Эта реплика была хорошо понятна современникам М. А. Булгакова, жившим в условиях жесткой распределительной системы и дефицита необходимых товаров потребления. Во второй

редакции «Ивана Васильевича» острая фраза стала нейтральной: «А разве у Шпака у одного костюм в полоску в Москве?»⁵⁸

В раннем варианте комедии двусмысленно звучал диалог Ивана Грозного и Тимофеева. «Нервозный» царь, перенесшийся в сталинское время, вопрошал: «Но где я? Где я? В аду?» Осторожный инженер отвечал: «Я категорически прошу вас удержаться от таких слов. Ты в Москве, а не в аду». Недоверчивый самодержец, «затравленно оглядываясь», произносил: «Ой, не лги!..» Во второй редакции пьесы, представленной советским цензором, драматург этот текст убрал⁵⁹.

Не менее значительны следующие реплики героев. Царь спрашивает изобретателя, князь ли он, и получает отрицательный ответ:

«Тимофеев. Какой там князь! У нас один князь на всю Москву, и тот утверждает, что он сын кучера.

Иоанн. Ах, сволочь! Пытать его, вот он и признается!

Тимофеев. Не надейтесь. Сколько его не пытайте, он не признается, поверьте мне»⁶⁰. В. И. Лосев отметил, что «в третьей редакции этот текст был снят автором по причине, очевидно, слишком понятного совпадения прошлого и настоящего (1930-х гг.)»⁶¹.

Реплику царя о «неважных хоромаш» изобретателя исследователь прокомментировал: «Булгаков и в этом сочинении не миновал “квартирного вопроса”»⁶². «Одним из самых “наболевших” (политических. — И. М.) вопросов, мучавших Булгакова», был раздел единой территории страны, признание большевиками отторжения обширных регионов бывшей Российской империи. Поэтому собиратель русских земель, царь Иван обеспокоен: «Ах, ты, Боже! Ведь это я тут... а шведы, ведь они Кемь взяли!» Вор Милославский считает иначе: «Да кому это надо?» Отдавая шведам приграничную русскую землю, он говорит: «Забирайте, забирайте. Царь согласен. Гут»⁶³.

Во второй редакции пьесы Иван Грозный справедливо обвинял режиссера Якина: «Ты боярню соблазнил?.. Пес смердящий! Какое житие?.. Вместо Святого поста и воздержания — блуд и пьянство губительное со обещанными дьяволам чашами!»⁶⁴ По мнению В. И. Лосева, «в условиях того времени одного этого возгласа, порицавшего приспособившуюся к безбожной жизни интеллигенцию, было достаточно, чтобы запретить пьесу. Поэтому Булгаков зачеркнул этот текст и вписал вместо него в последующей редакции: “Ты посмотри на себя!”»⁶⁵ «Характернейшей, “знаковой” фразой» литературовед считает реплику Ивана Грозного, обращенную к Ульяне Андреевне и Шпаку во втором акте комедии: «Что в вас, в самом деле, бесы вселились?»⁶⁶

По наблюдениям филолога, М. А. Булгакову пришлось убрать смешную клятву Шпака («Даю честное пионерское слово под салютом!») в том, что «инженер Тимофеев Иоанна Грозного в квартиру вызвал, царя», и заменить ее нейтральным словосочетанием «Даю честное слово»⁶⁷.

Третий акт комедии начинается недоуменными криками Бунши и Милославского, переместившихся в опричную Москву.

«Милославский. Вот черт вас возьми с этими опытами!..

Бунша... Как управдом, я требую немедленного прекращения этого опыта! На помощь! Куда же это мы попали?

Милославский. Перестань орать. Это нас к Иоанну Грозному занесло.

Бунша. Не может быть! Я протестую... Николай Иванович, вы ответите за ваш анти-советский опыт»⁶⁸. В. И. Лосев обратил внимание на то, что первоначально Милославский восклицал: «С этими опытами нас к Иоанну Грозному загнали». Он считает: «Фраза построена так прозрачно (слово “опыт” было едва ли не самым популярным в те годы: опыт социологии, опыт соцстроительства и т. д.), что уже из черновой рукописи она была автором изъята. Выразительным и определяющим было слово “загнали”». Упоминание имени Николая Ивановича навело филолога на мысль, что «в этой фразе содержалась доля иронии в отношении Н. И. Бухарина, к тому времени уже находившегося в опале»⁶⁹.

В тексте третьего акта драматургу пришлось несколько раз вычеркивать слова, напоминавшие зрителям о религии. Так, во второй редакции пьесы пропало слово «Боже» в реплике Бунши «Боже, неужели это правда?»; Милославский вместо «перестаньте креститься» остановил кланявшегося дьяка фразой «Ну, довольно кувыркаться»⁷⁰. В то же время в черновых набросках М. А. Булгаков неоднократно обыгрывал эпизод с приказом Милославского взять Казань. Например, он писал: «Как с Казанью быть, великий государь? Татары заедают...

Бунша. Национальные меньшинства...

Милославский. Молчи, кретин».

В. И. Лосев этот фрагмент пьесы не прокомментировал, однако его смысл понятен и без разъяснений⁷¹.

По наблюдениям исследователя, «из цензурных соображений» драматург убрал из текста окончательной редакции комедии слова Бунши «Я ни за какие деньги с иностранцем не стану разговаривать», каламбуры, связанные с отъездом шведского посла на родину («Чего же зря номер в “Метрополе” занимать? Взять ему вторую категорию», то есть международную, железнодорожного билета) и реплику Милославского о царской трапезе: «Нет, у них хорошо поставлено дело. В “Метрополе” ждешь, ждешь, пока тебе салатик подадут... Душу вымотают!..» Однако резкая, расходившаяся с официальной трактовкой исторического явления, вызывавшая определенные ассоциации фраза «Простите, ваше величество, за откровенность, но опричники ваши просто бандиты!» в пьесе осталась⁷².

Если В. И. Лосев акцентировал внимание на изображенных в пьесе реалиях начала 30-х гг. XX в., то Н. В. Долгова писала о «противопоставлениях и контрастах» в произведениях М. А. Булгакова. По ее мнению, в «Иване Васильевиче» царь и управдом наделены не

своими функциями, оба персонажа играют роли, противоположные тем, которые они исполняли в действительности. Поэтому здесь Иван Грозный — это «ложный кумир», а Бунша-Корецкий — «ложнопосвященный» комический властитель⁷³. О. А. Казьмина вслед за Ю. В. Бабичевой считает, что «в “Блаженстве” показаны три разделенных столетиями тоталитарных эпохи»⁷⁴. Из этого тезиса следует, что в «Иване Васильевиче» изображены они же, но без будущего «Блаженства».

Оригинально мнение Е. А. Иваньшиной, согласно которой «механизм машины Времени соотносится с театром, где репетируют пьесу об Иоанне Грозном (“Иван Васильевич”)... Именно персонажи с актерским потенциалом воспринимают ситуацию с Иоанном наиболее адекватно, то есть как подлинную... Роль скупого играет Шпак/Михельсон. Как сокровищница комната Михельсона соотнесена с кладовой в царских палатах; оба помещения напоминают склад театрального реквизита. Роль Милославского как искусного взломщика комнаты Михельсона/Шпака вписана в роль инженера, который вместе со своим аппаратом осуществляет взлом другого масштаба. С сокровищами, сосредоточенными в комнате Михельсона/Шпака, конкурирует сокровище другого рода — необыкновенный оптический аппарат, который делает доступными иные — утраченные — ценности, овеществленные в монетах Иоанна или панагии патриарха»⁷⁵.

В отличие от Ю. В. Бабичевой, Я. С. Лурье и В. И. Лосева, Н. Н. Мутья характеризует пьесу «Иван Васильевич» скорее как ироническое, нежели сатирическое произведение. Она пишет: «Писатель иронизирует над современным ему бытом. Коммунальные квартиры, в которых вновь построенные перегородки могут исчезнуть только путем воздействия на них машины времени; советская прописка, как крепостничество, введенное последователями Ивана Грозного; браваурная пропаганда советского образа жизни посредством радио, которое мешает одному создателю нового — инженеру Тимофееву; спекуляция, не только частная, но и государственная — пресловутый Торгсин..., боязнь общения с иностранцами; “стукачество”. Но самая главная ирония — прорыв в прошлое, а не в будущее»⁷⁶.

Исследователь считает, что драматургу «импонирует царь, а не советский чиновник» Бунша. В отличие от В. А. Каверина, Ю. В. Бабичевой, Я. С. Лурье, В. И. Лосева, Н. Н. Мутья обнаружила в пьесе только один «намек на сравнение советской действительности и государства Ивана Грозного времен опричнины»: «Кемь в стране 30-х годов XX века — город, где находился пересыльный пункт Соловецких лагерей. Милославский, хоть и не политзаключенный, а вор, но... прекрасно знавший о назначении этого города в настоящем, поспешил от него избавиться в прошлом»⁷⁷.

Отметив несоответствие друг другу некоторых событий в сценах, происходивших в Москве XVI в. («Марфа Васильевна Собакина умерла в 1571 году. Послание, которое царь пишет в Кирилло-Белозерский монастырь, датировано 1573 годом. В пьесе же послание пишется при жизни Марфы. В пьесе появляется и патриарх... Но патриаршество было установлено

на Руси только при Федоре Иоанновиче»), Н. Н. Мутья указала на отражение в «Иване Васильевиче» третьего временного пласта: «Своеобразным лейтмотивом пьесы являются строки из баллады А. К. Толстого “Князь Михайло Репнин”», написанной в XIX в.⁷⁸

Филологи и искусствоведы всесторонне рассмотрели дилогию «Блаженство» — «Иван Васильевич», выявили тщательно скрытый драматургом подтекст этих пьес, охарактеризовали действующих лиц и обстановку, в которой происходят невероятные приключения героев, внешне смешные, но заставляющие читателя и зрителя задуматься о реалиях их жизни.

Итак, выбор Л. И. Гайдаем пьесы М. А. Булгакова «Иван Васильевич» для постановки новой комедии в начале 70-х гг. XX в. был смелым и решительным шагом, потому что «веселая шутка» драматурга, гонимого в 30-е гг., вернувшегося к читателям и зрителям в середине 60-х гг. с немногими сочинениями, разрешенными к печати в сильно искаженном виде, была не безобидной потешкой, а остро-сатирическим произведением, в котором зло высмеивались пороки советской действительности сталинского времени. С присущими ему талантом, мастерством, тактом, Л. И. Гайдай превратил злободневную пьесу 30-х гг. XX в. в современный, актуальный кинофильм, сразу завоевавший признание зрителей.

¹ Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 519; Сахаров В. И. Михаил Булгаков: писатель и власть. По секретным архивам ЦК КПСС и КГБ. М., 2000. С. 176; Петелин В. В. Жизнь Булгакова. Дописать раньше, чем умереть. М., 2001. С. 378–379; Лосев В. И. Фантастическая дилогия «Блаженство» — «Иван Васильевич» // Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. Блаженство. СПб., 2004. С. 817–820.

² Дневник Елены Булгаковой. М., 1990. С. 56.

³ Историография истории СССР. Эпоха социализма / Под. ред. И. И. Минца. М., 1982. С. 104–106; Юрганов А. Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 99, 107, 112–113, 121. — 20 марта 1934 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором И. В. Сталин сказал: «Русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собирательству он приступил и сейчас... Схема Покровского не марксистская схема, и вся беда пошла от времени влияния Покровского» (Цит. по: Литвин А. Л. Без права на мысль. Историк в эпоху Большого Террора. Очерки судеб. Казань, 1994. С. 56–57).

⁴ Лосев В. И. Фантастическая дилогия... С. 821.

⁵ Булгаков М. А. Блаженство // Булгаков М. А. Собрание сочинений. Т. 7. Блаженство. С. 531–532.

⁶ Дневник Елены Булгаковой. С. 80.

⁷ Лосев В. И. Фантастическая дилогия... С. 823.

⁸ Там же. С. 824.

⁹ Дневник Елены Булгаковой. С. 106–109.

¹⁰ Там же. С. 116, 118.

¹¹ Там же. С. 119–120.

¹² Там же. С. 120.

¹³ Кириленко К. Н. Театральное наследие М. А. Булгакова в ЦГАЛИ СССР // Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова. Л., 1987. С. 135. — М. А. Булгаков умер 10 марта 1940 г.

¹⁴ Цит. по: Кириленко К. Н. Театральное наследие М. А. Булгакова... С. 146.

¹⁵ Булгаков М. А. Иван Васильевич // Булгаков М. А. Драмы и комедии. М., 1965 (далее — Булгаков – 1965). С. 415–474.

¹⁶ Бабичева Ю. В. Фантастическая диалогия М. А. Булгакова («Блаженство» и «Иван Васильевич») // М. А. Булгаков — драматург и художественная культура его времени. М., 1988. С. 138. Примеч. 18.

¹⁷ Аврова Н. В. М. Булгаков и Испания // Михаил Булгаков: Современные толкования. К 100-летию со дня рождения. 1891–1991. Сб. обзоров. М., 1991. С. 234, 238.

¹⁸ Шешкен А. Г. Югославская русистика о Михаиле Булгакове // Там же. С. 141–142.

¹⁹ Каверин В. А. Заметки о драматургии Булгакова // Булгаков М. А. Драмы и комедии. М., 1965. С. 13–14.

²⁰ Сахновский-Панкеев В. А. Булгаков // Очерки истории русской советской драматургии. Т. II. 1935–1945. Л.; М., 1966. С. 136.

²¹ Ермакова Т. А. Драматургия М. А. Булгакова: Автореф. дис... канд. филологич. наук. М., 1971. С. 13–14.

²² Бабичева Ю. В. Жанровые разновидности русской драмы. (На материале драматургии М. А. Булгакова). Вологда. 1989. С. 70.

²³ Бабичева Ю. В. 1) Фантастическая диалогия... С. 127, 129; 2) Жанровые разновидности... С. 72.

²⁴ Бабичева Ю. В. 1) Фантастическая диалогия... С. 126–127; 2) Жанровые разновидности... С. 71–72.

²⁵ Бабичева Ю. В. Жанровые разновидности... С. 72.

²⁶ Там же. С. 71.

²⁷ Там же. С. 75.

²⁸ Бабичева Ю. В. Фантастическая диалогия... С. 134. — См. также: Бабичева Ю. В. Жанровые разновидности... С. 73.

²⁹ Бабичева Ю. В. Жанровые разновидности... С. 74. — См. также: Бабичева Ю. В. Фантастическая диалогия... С. 136.

³⁰ Бабичева Ю. В. Жанровые разновидности... С. 75.

³¹ Там же.

³² Бабичева Ю. В. 1) Фантастическая диалогия... С. 136–137; 2) Жанровые разновидности... С. 77.

³³ Бабичева Ю. В. Фантастическая диалогия... С. 137.

³⁴ Бабичева Ю. В. Жанровые разновидности... С. 77.

³⁵ Там же. С. 87.

³⁶ Бабичева Ю. В. Фантастическая диалогия... С. 138.

³⁷ Петелин В. В. 1) Михаил Булгаков. Жизнь. Личность. Творчество. М., 1989. С. 377–384, 411; 2) Жизнь Булгакова... С. 378–384, 408–409.

³⁸ Петелин В. В. Жизнь Булгакова... С. 383.

³⁹ Лурье Я. С. Иван Грозный и древнерусская литература в творчестве М. Булгакова // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. СПб., 1992. Вып. XLV. С. 317.

⁴⁰ Там же. С. 320.

⁴¹ Там же. С. 320–321. — См. также: Комментарии / Гудкова В. В., Ерыкалова И. Е., Кухт Е. А. и др. // Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. Пьесы. М., 1992. С. 674, 676–677.

⁴² Сахаров В. И. Михаил Булгаков: писатель и власть... С. 178.

⁴³ Сахаров В. И. Михаил Булгаков: загадки и уроки судьбы. М., 2006. С. 139.

⁴⁴ Лосев В. И. Фантастическая диалогия... С. 816–826.

- ⁴⁵ Там же. С. 826.
- ⁴⁶ Там же. С. 833. — Слова лектора цит. по: Булгаков М. А. Иван Васильевич // *Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. Блаженство.* СПб., 2004 (далее — Булгаков — 2004). С. 593.
- ⁴⁷ *Лосев В. И. Фантастическая диалогия...* С. 834–835.
- ⁴⁸ Булгаков — 2004. С. 585.
- ⁴⁹ *Лосев В. И. Фантастическая диалогия...* С. 837.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Подробнее об этом см.: *Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки.* СПб., 2006. С. 71–74.
- ⁵² *Лосев В. И. Фантастическая диалогия...* С. 838. — Согласно третьей редакции, Бунша слушал лекцию «про стратосферу» (Булгаков — 1965. С. 426).
- ⁵³ *Лосев В. И. Фантастическая диалогия...* С. 838–839.
- ⁵⁴ Булгаков — 2004. С. 586–587.
- ⁵⁵ *Лосев В. И. Фантастическая диалогия...* С. 838.
- ⁵⁶ В окончательной, третьей редакции пьесы из реплики Бунши были изъяты слова про советскую власть, и она приобрела совершенно иной смысл: «...Во флигеле дамы уже говорят, что вы такой аппарат строите, что весь наш дом рухнет... и вы погибнете, и я с вами за компанию» (Булгаков — 1965. С. 427). Значит, инженер и Бунша погибли не из-за того, что первый из них хотел «улететь» от советской власти, а вследствие разрушительного действия опасного механизма.
- ⁵⁷ *Лосев В. И. Фантастическая диалогия...* С. 893.
- ⁵⁸ Булгаков — 2004. С. 588. — Ср. эпизод с переодеванием московских дам в парижские наряды в главе «Черная магия и ее разоблачение» романа «Мастер и Маргарита».
- ⁵⁹ *Лосев В. И. Фантастическая диалогия...* С. 845–846.
- ⁶⁰ Булгаков — 2004. С. 594.
- ⁶¹ *Лосев В. И. Фантастическая диалогия...* С. 846.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. С. 847; Булгаков — 2004. С. 595, 615. — См. также: Булгаков — 1965. С. 437, 461.
- ⁶⁴ Булгаков — 2004. С. 601.
- ⁶⁵ *Лосев В. И. Фантастическая диалогия...* С. 848.
- ⁶⁶ Там же. С. 849. — Ср. с мыслью автора «Мастера и Маргариты» о пребывании нечистой силы в сталинской Москве.
- ⁶⁷ Булгаков — 2004. С. 608; *Лосев В. И. Фантастическая диалогия...* С. 850.
- ⁶⁸ Булгаков — 2004. С. 608.
- ⁶⁹ *Лосев В. И. Фантастическая диалогия...* С. 850.
- ⁷⁰ Там же. С. 850–851.
- ⁷¹ Там же. С. 853.
- ⁷² Там же. С. 854–855.
- ⁷³ *Долгова Н. В. Поэтика сатиры М. А. Булгакова 1930-х годов: Автореф. дисс. ... канд. филологич. наук.* Коломна. 2005. С. 11–12.
- ⁷⁴ *Казьмина О. А. Драматургический сюжет М. А. Булгакова: пространство и время в пьесах «Зойкина квартира», «Бег», «Блаженство»: Автореф. дисс... канд. филологич. наук.* Воронеж. 2009. С. 18.
- ⁷⁵ *Иваньшина Е. А. Культурная память и логика текстопорождения в творчестве М. А. Булгакова: Автореф. дисс. ... доктора филологич. наук.* Воронеж. 2010. С. 28.

⁷⁶ Мутья Н. Н. Иван Грозный. Историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб., 2010. С. 353.

⁷⁷ Там же. С. 355–356. — Указание на трехлетнее пребывание Милославского в лагере для заключенных содержится в его словах «На двух каналах был, видел чудеса техники...» (Булгаков – 2004. С. 588). В. И. Лосев полагает, что «здесь речь идет о Беломорско-Балтийском канале (открыт в 1933 г.) и канале Москва-Волга (канал имени Москвы), открытом в 1937 г. Оба канала были построены заключенными с применением в основном тяжелого физического труда» (Лосев В. И. Фантастическая диалогия... С. 839).

⁷⁸ Там же. С. 355.

УДК 791.43

Михайлова И. Б. С юбилеем, «Иван Васильевич»! Пьеса М. А. Булгакова — литературный источник фильма Л. И. Гайдая // Новейшая история России. 2014. № 1 (09). С. 248–264.

АННОТАЦИЯ: Фильм Л. И. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» поставлен по мотивам пьесы М. А. Булгакова «Иван Васильевич», написанной в результате переработки более раннего произведения драматурга — псевдоутопии «Блаженство». Смысл экранизации, ее особенности невозможно понять без анализа первоисточника и посвященных ему исследований. Этим обусловлен интерес автора к фантастической диалогии М. А. Булгакова. Автор статьи исследует вопросы, связанные с работой М. А. Булгакова в Московском театре Сатиры; рассматривает вопрос об истории создания пьесы М. А. Булгакова «Иван Васильевич», а также трудности, с которыми сталкивался М. А. Булгаков во время работы, приводит отзывы современников и причины, по которым пьеса была подвергнута цензуре в 1936 г. Но главная цель статьи — показать, как изменилось отношение к пьесе во второй половине XX – начале XXI вв. На рубеже XX–XXI вв. Ю. В. Бабичева, Я. С. Лурье и В. И. Лосев в своих исследованиях рассматривают эту пьесу как сатирическую с политическим подтекстом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: М. А. Булгаков, «Иван Васильевич», советская драматургия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); mikhailova.irina@inbox.ru

---

Mikhailova I. B. Happy Anniversary, 'Ivan Vasilievich'! M. A. Bulgakov's Play as a Literary Inspiration for L. I. Gaidai's Film

ABSTRACT: L. I. Gaidai's comedic film "Ivan Vasilievich Changes Professions" was based on M. A. Bulgakov's play "Ivan Vasilievich," which in turn was based on a reworking of his pseudo-utopian drama "Bliss." The meaning of the film is therefore impossible to appreciate without a deep analysis of M. A. Bulgakov's literary work. In this article the author examines the history of the play. She shows the difficulties that the talented Soviet dramatist experienced when he was writing the play; she examines questions about its production in the Moscow Satire Theater; she describes the attitude of the writer's contemporaries toward "Ivan Vasilievich." Finally, the author explains the reasons for the play's censorship in 1936. But the main aim of this article is to show how the attitude towards the play changed within the Soviet philological field. At the turn of twenty first century, Yu. V. Babitcheva,

Ya. S. Lur'e and V. I. Losev describe the play in their books, articles and critical reviews as having been a satirical work with political overtones.

KEYWORDS: M. A. Bulgakov, "Ivan Vasilievich", Soviet dramaturgy.

AUTHOR: Doctor of History, Professor, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia); mikhailova.irina@inbox.ru

REFERENCES:

- ¹ Chudakova M. O. *Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova* (Moscow, 1988).
- ² Sakharov V. I. *Mikhail Bulgakov: pisatel i vlast. Po sekretnym arkhivam TCK KPSS i KGB* (Moscow, 2000).
- ³ Petelin V. V. *Zhizn Bulgakova. Dopisat ranshe, chem umeret* (Moscow, 2001).
- ⁴ Losev V. I. 'Fantasticheskaia dilogiia «Blazhenstvo» — «Ivan Vasilievich» in Bulgakov M. A. *Sobranie sochinenii*. 8 volumes. Vol. 7. *Blazhenstvo* (St. Petersburg, 2004).
- ⁵ *Dnevnik Eleny Bulgakovoi* (Moscow, 1990).
- ⁶ *Istoriografiia istorii SSSR. Epokha sotcializma*, ed. I. I. Mintc (Moscow, 1982).
- ⁷ Iurganov A. L. *Russkoe natsionalnoe gosudarstvo: Zhiznennyi mir istorikov epokhi stalinizma* (Moscow, 2011).
- ⁸ Litvin A. L. *Bez prava na mysl. Istoriki v epokhu Bolshogo Terrora. Ocherki sudeb* (Kazan, 1994).
- ⁹ Kirilenko K. N. 'Teatralnoe nasledie M. A. Bulgakova v TCGALI SSSR' in *Problemy teatralnogo nasledia M. A. Bulgakova* (Leningrad, 1987).
- ¹⁰ Bulgakov M. A. 'Ivan Vasilievich' in Bulgakov M. A. *Dramy i komedii* (Moscow, 1965).
- ¹¹ Babicheva Iu. V. 'Fantasticheskaia dilogiia M. A. Bulgakova («Blazhenstvo» i «Ivan Vasilievich»)' in M. A. Bulgakov — dramaturg i khudozhestvennaia kultura ego vremeni (Moscow, 1988).
- ¹² Avrova N. V. 'M. Bulgakov i Ispaniia' in *Mikhail Bulgakov: Sovremennye tolkovaniia. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia. 1891–1991. Sb. obzorov* (Moscow, 1991).
- ¹³ Sheshken A. G. 'Iugoslavskaia rusistika o Mikhaile Bulgakove' in *Mikhail Bulgakov: Sovremennye tolkovaniia. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia. 1891–1991. Sb. obzorov* (Moscow, 1991).
- ¹⁴ Kaverin V. A. 'Zametki o dramaturgii Bulgakova' in Bulgakov M. A. *Dramy i komedii* (Moscow, 1965).
- ¹⁵ Sakhnovskii-Pankeeov V. A. 'Bulgakov' in *Ocherki istorii russkoi sovetskoi dramaturgii. Vol. II. 1935–1945* (Leningrad - Moscow, 1966).
- ¹⁶ Ermakova T. A. *Dramaturgiia M. A. Bulgakova. Avtoreferat diss. kand. filologich. nauk* (Moscow, 1971).
- ¹⁷ Babicheva Iu. V. *Zhanrovye raznovidnosti russkoi dramy. (Na materiale dramaturgii M. A. Bulgakova)* (Vologda, 1989).
- ¹⁸ Petelin V. V. *Mikhail Bulgakov. Zhizn. Lichnost. Tvorchestvo* (Moscow, 1989).
- ¹⁹ Lurye Ia. S. 'Ivan Groznyi i drevnerusskaia literatura v tvorchestve M. Bulgakova', *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury AN SSSR*, Iss. XLV (St. Petersburg, 1992).
- ²⁰ Comment. Gudkova V. V., Erykalova I. E., Kukht E. A. and others in Bulgakov M. A. *Sobranie sochinenii*. 5 volumes. Vol. 3. *Piesy* (Moscow, 1992).
- ²¹ Sakharov V. I. *Mikhail Bulgakov: zagadki i uroki sudby* (Moscow, 2006).
- ²² Leбина N. B. *Entsiklopediia banalnostei. Sovetskaia povsednevnost: kontury, simvol'y, znaki* (St. Petersburg, 2006).
- ²³ Dolgova N. V. *Poetika satiry M. A. Bulgakova 1930-kh godov: Avtoreferat diss. kand. filologich. nauk* (Kolomna, 2005).
- ²⁴ Kazmina O. A. *Dramaturgicheskii s'uzhet M. A. Bulgakova: prostranstvo i vremia v pesakh «Zoikina kvartira», «Beg», «Blazhenstvo»: Avtoreferat diss. kand. filologich. nauk* (Voronezh, 2009).
- ²⁵ Ivanshina E. A. *Kulturnaia pamiat i logika tekstoporozhdeniia v tvorchestve M. A. Bulgakova: Avtoreferat diss. doktora filologich. nauk* (Voronezh, 2010).
- ²⁶ Mutia N. N. *Ivan Groznyi. Istorizm i lichnost pravitelia v otechestvennom iskusstve XIX–XX vv.* (St. Petersburg, 2010).